

ОТКРЫВАЯ НЕИЗВЕСТНОГО КЛЮЧЕВСКОГО ИСТОРИК КАК ТВОРЕЦ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ¹

Авторы статьи обращаются к такому событию национальной историографии, каким стал факт современного издания лекций В.О. Ключевского по всеобщей истории, подготовленного Р.А. Киреевой. Впервые перед научной общественностью предстали учебные тексты Ключевского, позволяющие реконструировать систему его представлений о западноевропейской истории XVII-XVIII вв. В первой части статьи внимание сосредоточено на анализе публикационной деятельности Р.А. Киреевой, направленной на издание лекций историка из его архивного фонда, во второй – предлагается интерпретация взглядов В.О. Ключевского на политическую историю Западной Европы. Авторы уверены в неразрывной научной связи ученых-историков разных времён – дореволюционного и современного. Историографические интересы и творческие усилия каждого последующих поколений историков позволяют сохранить в современном национальном сознании память и знание об историках-предшественниках и истории науки, что придает особую значимость работе по публикации не издававшихся ранее научных архивов ученых.

Ключевые слова: историография, В.О. Ключевский, Р.А. Киреева, Россия, Европа, всеобщая история, национальная идея, коммеморация, национальная идентичность.

Человек жив, пока жива память о нем. Это почти житейское суждение лежит, тем не менее, в основе традиций и культурного опыта сохранения памяти об интеллектуальном наследии тех людей, которые прочно вошли в историю науки и культуры. Своей деятельностью выдающиеся личности из научного сообщества того масштаба и значения, которых достиг историк В.О. Ключевский, приобрели от благодарных потомков особый статус культурных героев нации, обеспечивая своими научными идеями и интеллектуальными манифестами формирование национальной идентичности.

Процесс введения архивного материала в научный оборот является свидетельством востребованности творческого наследия историка. Однако, следует понимать, что появление новых интерпретаций и профессиональных оценок, неизбежных в процессе его научного освоения, могут спровоцировать не только переоценку личности историка, но и сказаться на судьбе его архивного наследия: будет ли оно осваиваться дальше, или станет «неприкосновенным запасом», отложенным до лучших времен. Архив историка для его исследователей и публикаторов выполняет функции своеобразного корпоративного «места памяти», к которому, возможно, будет обращаться еще не одно поколение ученых. При этом научное освоение архивных материалов имеет черты трансляции коммеморативного феномена. Процессы коммемораций в науке, как

¹ См.: Ключевский 2012.

способы сохранения памяти о ее представителях, и практики трансляции научного опыта ученых ушедших поколений, имеют двух «контрагентов»: объекта и субъекта этих научно-интеллектуальных процедур. Коммеморация приобретает характер особой интеллектуальной практики, в основе которой лежит актуальный диалог представителей культур (при историографическом подходе – научных культур) различных эпох. В нем велика роль не только объекта коммеморации, но и другой стороны, выступающей инициативной силой, без которой процедура увековечивания памяти личности, попавшей в систему ценностей национальной культуры, была бы невозможной. Более того, только благодаря упомянутой «инициативной силе» из забвения культурной памяти при помощи историографического анализа восстанавливается ценностный опыт, способный стать основой преемственности научной традиции, либо разрыва с ней. Но в любом случае знание об этом опыте обогащает современную культуру, содействуя процессам культурной идентификации личности и социальных сообществ новых поколений. Коммеморации и опыты сохранения наследия в отношении представителей исторической науки неизбежно становятся элементом историографической культуры.

В поле внимания авторов данной статьи находятся две личности – историк В.О. Ключевский и его давний исследователь-биограф, историкограф и публикатор его произведений Р.А. Киреева.

Р.А. Киреева в изучении научного наследия В.О. Ключевского

Раиса Александровна Киреева (1929 г.р.) – известный историк и историкограф, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, пережила в своей профессиональной биографии все периоды развития отечественной исторической науки, начиная с послевоенного времени, когда, закончив МГИАИ, она была принята на работу (с 1952 г.) в Институт истории АН СССР, вплоть до современного периода исторической науки. Понятно, что существенная часть научного творчества Р.А. Киреевой пришлось на советское время, когда под флагом «марксистско-ленинской методологии» осуществлялся процесс институционализации такой области исторического знания как историография, ставшая основным предметом научных интересов Раисы Александровны. В 1960-е гг. она являлась уже ученым секретарем сектора истории исторической науки и была непосредственно связана с подготовкой известных «Очерков истории исторической науки».

Воспитанная замечательными наставниками (ими, несомненно, можно считать М.В. Нечкину и А.А. Зимина – талантливых, хотя разных по характеру, а также методологическим и идеологическим ориентирам ученых) в традициях строгого подхода к получению научно обоснованного исторического факта, Р.А. Киреева в течении своей долгой творческой жизни являлась истинным ученым, ориентированным на выверенный с источниковедческих позиций документальный материал

и аргументированную на этой основе интерпретацию изучаемых ею личностей, исторических и историографических событий и процессов.

Нетрудно заметить, что в ее наследии преобладают исследования, так или иначе связанные с изучением научного облика великого русского историка В.О. Ключевского. После защиты кандидатской диссертации, посвященной Ключевскому-историографу, Р.А. Киреева в 1966 г. публикует ее в виде одноименной монографии². Впоследствии, защитив докторскую диссертацию («История русской историографии (1850-е – 1917 г.)»), она расширила историографическое пространство своих интересов. На базе этой диссертации была создана одна из первых в отечественном опыте монографий, в которой объектом изучения становится история историографии³. Теперь имя и историографическая линия интересов В.О. Ключевского были вписаны в общероссийский контекст становления и развития дореволюционной историографии.

Докторская диссертация вывела Р.А. Кирееву к разработке и других историографических сюжетов, в том числе связанных с фигурами историков Петербургской школы – К.Н. Бестужева-Рюмина⁴, А.С. Лаппо-Данилевского⁵, а также представителями «Государственной школы»⁶. Широкий спектр интересов исследователя захватывает также историю декабризма и разные аспекты истории отечественной историографии.

Уже в первых крупных работах Р.А. Киреева продемонстрировала высокую результативность историографического анализа, основанного на изучении научного наследия историков с учетом их творческой лаборатории, которая может быть раскрыта только посредством использования личных архивных фондов ученых. Погружение в материалы архивных коллекций В.О. Ключевского позволило ей в кандидатской диссертации, написанной уже сформировавшимся ученым, имевшим опыт научной работы в секторе истории исторической науки Института истории АН, предложить научному сообществу новые на тот период методы историографического исследования. Одной из первых в целях создания целостного облика Ключевского был использован метод реконструкции творческого наследия историка на основе совокупности различных источников, в том числе и тех, которые не были опубликованы.

Кропотливое изучение рукописей историков в личных архивных фондах станет принципиальным стилем ее работы по созданию общей картины развития истории историографии. В историографическом жанре того периода, когда создавались диссертации-монографии Р.А. Киреевой, преобладал проблемно-тематический подход, ориентированный

²Киреева 1966.

³Киреева 1983.

⁴См.: Киреева 1990.

⁵См.: Киреева 2013. С. 73-76.

⁶См.: Киреева 2004.

на анализ трудов и концепций историков, содержащихся преимущественно, в изданных сочинениях историков. Приобретенный ею опыт работы с рукописями различной видовой природы стал неоценимой основой не только для конкретно-историографических разработок ученых, но и для реализации проектов публикаций их произведений.

В изучении творчества В.О. Ключевского историографический метод Р.А. Киреевой позволил ей реконструировать не только тона, но и полутона взглядов и историографических оценок историка. Можно полагать, что Р.А. Киреева уже тогда, в 1960-е гг., прокладывала дорогу для современной эвристической практики историографических исследований, нацеленной на выявление и изучение всего видového спектра историков, отражающих жизнь и деятельность ученого-историка.

Большое место в ее творчестве занимали проблемы подготовки к публикации неизданных или мало известных работ В.О. Ключевского. Р.А. Киреева стояла у истоков многих начинаний, связанных с публикацией рукописей историка. Сама она, обозначая свою причастность к различным подобного рода проектам, включает в перечень и издания «Сочинений» Ключевского, опубликованных не только в 1980-е гг. в 9-ти томах, но и в 1950-е гг. в 8-ми томах⁷. Это ее свидетельство дает основание предполагать, что уже в начале своей работы в Институте истории ее историографические интересы могли соприкоснуться с сосредоточенным вниманием А.А. Зимина к фигуре Ключевского и его архивному фонду.

В своей первой диссертации она, ссылаясь на сведения А.А. Зимина, обратила внимание на еще не изученные учебные курсы Ключевского по всеобщей истории, которые тот вел в Александровском военном училище⁸. Интерес к ним у Р.А. Киреевой в контексте задач ее тогдашнего исследования не случаен: узловым моментом этих лекций была история Французской революции XVIII в. Именно это, по словам Ключевского, «всемирное» событие, имеющее «общечеловеческий характер»⁹, рассматривалось историком в качестве основы периодизации русской историографии. Установление в концептуальной версии Ключевского этой связи всемирно-исторических событий и процессов с ходом становления и поэтапного развития исторического знания открыла для науки именно Раиса Александровна. И сделала она это, опираясь на тщательное выявление и изучение текстов не опубликованных рукописей историка¹⁰.

А.А. Зимин еще в 1961 г. сообщил о существовании упомянутого учебного курса историка¹¹, но потребовалась целая эпоха со многими ее перипетиями, прежде чем сформировавшееся в те времена у Зимина и

⁷ Киреева 2012. С. 22.

⁸ Киреева 1966. С. 152.

⁹ Ключевский 2012. С. 142.

¹⁰ Киреева 1966. С. 153.

¹¹ См.: Зимин 1961. С. 195.

Киреевой убеждение в ценности его содержания для реконструкции интеллектуально-концептуальных основ формирования общей картины исторических представлений Ключевского, реализовалось в публикации этого важного источника.

Неоднократное упоминание имени А.А. Зимина в истории с публикацией наследия Ключевского не случайно: интересы Киреевой и Зимина закономерно пересеклись, если иметь в виду известный факт неосуществленного Зиминим замысла создания диссертации о Ключевском (1947)¹², а также не остывавшие в течение всей его жизни рефлексии в адрес этой неординарной фигуры в науке и культуре. Поэтому не удивительно соединение их совместных подвижнических усилий на поприще выявления актуальных текстов неопубликованных материалов из различных фондов историка и подготовки их к изданию.

Первая работа по изданию рукописей историка, где они выступили составителями, была завершена известной публикацией его писем, дневников и афоризмов (ответственным редактором была М.В. Нечкина)¹³. Состав причастных к изданию людей, можно полагать, отражал те значимые для Раисы Александровны профессионально-корпоративные коммуникации, которые определяли и закрепляли ее научные приоритеты в те годы. Нет смысла говорить, в силу очевидности, о значении этой первой публикации рукописей историка, позволившей теперь уже поколениям историографов проникать во внутренний мир великого историка. Эта книга, изданная в ситуации политической оттепели, стала своеобразным антропологическим прорывом в истории отечественной историографии.

Между этой первой публикацией рукописных материалов историка и современным изданием лекций В.О. Ключевского в Александровском военном училище прошло более 40 лет. Р.А. Киреева презентует эту публикацию как завершение большого проекта изданий рукописного наследия ученого. С 1968 по 2012 гг. ею было реализовано несколько подобных крупных документально-историографических публикаций.

Но стоит подчеркнуть, что «Лекции по истории Западной Европы...», ставшие значимым поводом для данной статьи, предполагались быть изданными гораздо раньше. Первоначально ещё в 1970 г. задумы-

¹² См.: Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (ПФА РАН). Ф. 934. Оп. 3. Д. 71. Л.64-71; Базанов, Богомазова 2011. С. 26 – 37. Сам историк в «Храме науки» засвидетельствовал, что, ему, начавшему в 1947 г. работать в Отделе истории, было поручено разобрать приобретенный у сына Ключевского архив историка. Эта работа, связанная с описанием и копированием материалов архива Ключевского и длившаяся в течение всего года («Весь 1947 г. прошел у меня с Ключевским»), стала, как подчеркнул А.А. Зимин, основой для подготовки к изданию «Сочинений», «Дневников» и др. трудов историка. Изучение им еще в то время фонда Ключевского выявило и коллекцию неизданных его работ. О задуманной им диссертации, посвященной историкю, он лаконично констатировал: «Мои мечты о написании книги о Ключевском оказались неосуществленными» (Зимин 2015. С. 371).

¹³ См.: Ключевский 1968.

валось издание «Записок по всеобщей истории», читанных Ключевским юнкерам училища в 1872/73 уч. г. в составе подготовленных «Неизвестных курсов В.О. Ключевского» (в 4-х томах)¹⁴. «Записки», как свидетельствует Р.А. Киреева, не были опубликованы издательством из опасения обнародовать «немарксистскую оценку Ключевского Великой французской революции». Много позднее, к 165-летию историка (2006), вновь была предпринята попытка (опять неудачная) их опубликовать¹⁵. Медленно, но благодаря упорству инициаторов изданий научных рукописей Ключевского, к 1983 г. были подготовлены некоторые его неизданные сочинения¹⁶, в т.ч. учебный курс «Западное влияние в России после Петра», который, несомненно, возник в связи с погружением Ключевского в проблематику всеобщей истории. Это издание, снова вышедшее под редакцией Нечкиной, готовилось также в творческом тандеме двух историков – Киреевой и Зимина. Но увидело свет оно уже после смерти последнего. В одной из бесед с Р.А. Киреевой (2013) она, вспоминая непростую историю с изданием этой книги, поведала, как ее создателям не удалось получить согласие издательства на то, чтобы в первых строках Предисловия избавиться от советского клишированного определения «буржуазный» в адрес историка Ключевского.

Осуществляя последующие издания рукописных работ «великого историка России», Киреева с прискорбием замечает, что делать их пришлось уже ей одной. Однако творческой кооперации двух ученых научное сообщество обязано и изданием лекций Ключевского по российской истории, читавшихся им на Высших женских курсах фактически параллельно с занятиями в Александровском училище¹⁷. В предисловии к публикации лекций на Высших женских курсах Киреева сообщает о давнем интересе Зимина к этим лекциям историка, проявленном им еще в конце 1950-х, когда при подготовке к изданию «Сочинений» историка он обратил внимание на эмигрантскую статью А.А. Кизеветтера (1931) о лекциях Ключевского для курсисток, где автор упомянул, что часть этих лекций находится в его распоряжении. Впоследствии в 1960-е гг. супруга историка – В.Г. Зимина, работавшая в ОР ГБЛ, осуществила в результате переговоров с дочерью Кизеветтера процедуру передачи пражского архива историка в отдел рукописей¹⁸.

¹⁴ Зимин подчеркивал роль Киреевой в подготовке неизданных работ Ключевского: «особенно важны были копии материалов Ключевского, по которым нами с Раевой (ею в первую очередь) подготовлены четыре тома его неизданных трудов (из которых вышел лишь один). По тем же материалам (результат работы 1947-48 гг.) изданы позднее сочинения Ключевского и еще кое-какие мелочи...» (Зимин 2015. С. 366).

¹⁵ См.: Киреева 2012. С. 15-16.

¹⁶ Ключевский 1983.

¹⁷ Ключевский 1997.

¹⁸ Киреева 1997. С. 18, 20.

В результате тщательных поисков из разных источников хранения составителям удалось представить полновесную реконструкцию текста этого лекционного курса и подготовить его к изданию. Характерно, что Раиса Александровна посвятила его «светлой памяти Александра Александровича Зимина». Сам же факт параллельного чтения Ключевским двух курсов – по русской и западноевропейской истории является важной основой для более глубокого понимания системы его концептуально-методологических построений исторического процесса, учитывающих общие европейские тенденции и специфику «местной истории», под которой он в своем знаменитом университетском курсе подразумевал российский историю.

Вполне обоснованным в издании «Лекций по истории Западной Европы...» стало размещение уже публиковавшегося в 1983 г. курса Ключевского, прочитанного вел. кн. Георгию Александровичу и вошедшего в научную биографию историка под названием «Абастуманские чтения». Как отметила Киреева, содержание этого курса восходило к текстам лекций в Александровском училище. Не случайно Ключевский после сделанного ему предложения прочесть учебный курс великому князю предпринял попытки раздобыть литографии собственных лекций, читанных в молодые годы юнкерам военного училища¹⁹. Теперь, соединенные воедино его учебные лекции по всеобщей истории, впервые дают возможность реконструкции системы взглядов историка на ход западноевропейской истории в их целостности и эволюции, начиная с 1860-х до 1890-х гг.

Издание подготовлено на хорошем археографическом уровне и сделано с любовью к памяти как самого Ключевского, так и всех тех ученых, кто в течение далеких уже 1960–1970-х гг. открывал Ключевского, работая с его рукописями, издавая и переиздавая его труды, исследуя его творчество. Отметить также тщательный подбор в основной части книги всех текстов Ключевского, имеющих отношение к всеобщей истории, а также интересное Приложение, включающее наброски Ключевского к разным курсам по истории Западной Европы, воспоминания слушателей Александровского училища об историке, его переписку во время пребывания в Абастумане, иллюстративный материал, акцентированный как на фигуре Ключевского, так и исторических личностях – политических деятелей Европы XVII–XIX вв., представленных в виде портретного ряда и ремарок к нему на полях изданного текста лекций Ключевского.

Содержание Приложения, сопутствующего изданию «Лекций по истории Западной Европы...», обогащает кругозор читателя дополнительными сведениями об историке. Обозначенные Р.А. Киреевой вехи биографии Ключевского знакомят с этапами обучения и карьерного роста ученого, представляют деятельность историка в области общественного просвещения. Она приводит внушительный перечень государственных

¹⁹ См.: Киреева 2012. С. 16-19.

наград, которых был удостоен историк. Особо обращает на себя внимание раздел Приложения, посвященный увековечиванию памяти о В.О. Ключевском. Со своей стороны, мы бы хотели дополнить этот список упоминанием о том, что в 1928 г. усилиями столичной культурной общест­венности и при участии учеников историка, был установлен памятник на могиле Ключевского. Данное событие произошло в условиях борьбы с религиозным «украшательством» кладбищ, поэтому крест, обозначенный в проекте памятника его архитектором Н.А. Пустохановым, не был воздвигнут. Эта история с установкой креста на могиле ученого – выходца из духовного сословия, выпускника Пензенской духовной семинарии и почетного профессора Московской духовной академии, получила свое продолжение в наши дни. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. Р.А. Киреевой вновь был поднят вопрос об установке креста на могиле В.О. Ключевского. Обозначенная проблема нашла искренний отклик в сердцах земляков историка, которые в 2011 г. на конференции, посвященной 170-летию Ключевского, выразили солидарное желание по сбору средств на установку креста. Активность пензенцев в этом направлении вылилась в организацию специального денежного фонда: Содружество пензенских землячеств и исторический факультет Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского в начале 2012 г. объявили о запуске общественной благотворительной акции по сбору денег для создания и установки нового памятника²⁰. Эту акцию поддержали представители научного и культурного сообщества Пензы, Казани, Москвы.

Могила известного ученого, как «место памяти», сохраняет свое значение по сей день, причем не только для историков. А.И. Солженицын за пять лет до своей смерти выбрал старинный Донской монастырь местом своего «последнего пристанища» – он завещал похоронить его возле могилы В.О. Ключевского. Без преувеличения можно сказать, что большая роль в актуализации этого «места памяти» и сохранении памяти о Ключевском как о национальном культурном герое принадлежит пензенскому музею В.О. Ключевского и персонально Р.А. Киреевой. Впервые приехав в пензенский архив в 1960-е гг., именно она инициировала долгосрочный процесс восстановления памяти о Ключевском на его родной земле. Поэтому не случайно, что в 2014 г. Р.А. Киреева была удостоена одной из самых престижных премий Российской академии наук в области изучения отечественной истории и славяноведения, носящей имя выдающегося историка России В.О. Ключевского «за серию работ по единой тематике – изучению и публикации наследия В.О. Ключевского».

Таким образом, в рамках академических коммеморативных практик, имена историков разных поколений и эпох – В.О. Ключевского и Р.А. Киреевой – возносятся на пьедестал почета, свидетельствующий о признании вклада этих ученых в российскую науку и культуру.

²⁰См.: Исторический факультет...

Новая книга, подготовленная Р.А. Киреевой, ценна не только для науки, открывая даже профессиональному современному читателю-историку, практически, «неизвестного» Ключевского, она ориентирована на большое публичное пространство, позволяя привлечь внимание широкой аудитории, интересующейся европейской историей нового времени (от старших школьников и учащихся военных училищ до студентов, учителей и просто любителей исторического чтения).

Обретшие, наконец, жизнь «Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России» В.О. Ключевского, венчая длительную историю публикаций когда-то «неизданных» и «неизвестных» работ великого историка – это и научный подвиг публикаторов и, несомненно, значимое событие современной историографии и национальной культуры.

В.О. Ключевский как историк Западной Европы нового времени и создатель классической национальной историографии

С точки зрения сегодняшнего дня, лекции по истории Западной Европы В.О. Ключевского выглядят достаточно необычно. Наличие в учебном курсе по всеобщей истории обширного материала, посвящённого истории России, вероятно, удивило бы не только современных студентов, но и преподавателей, которые привыкли к строгому разделению российской и зарубежной истории по разным учебным курсам, использованию для их изучения самостоятельной учебной и методической литературы, принадлежности авторов изданий к замкнутому кругу «русистов» или «всеобщников».

Стремление Ключевского с первых страниц своих лекций вписать историю России в общеевропейский контекст, доказать её тесную взаимосвязь с Западной Европой, продемонстрировать общность целого ряда социально-политических процессов выглядит заявкой на создание концептуального произведения. Его цель легко угадывается в намерении, с одной стороны, дать студентам целостное представление о мировом историческом процессе в его общих проявлениях, а с другой, в поиске ответа на вопрос о национальных особенностях исторического пути России. Нельзя не заметить при этом, что особенно явственно этот акцент присутствует в первых (порой довольно кратких) конспектах, служивших основой для репетиторской работы историка с кадетами старших классов Александровского училища в 1867–1868 гг.²¹ В его последующих «Записках по всеобщей истории» подобные идеи звучат

²¹ Ключевский преподавал в Александровском училище с 1867 по начало 1884 г. В первые годы работы он выполнял обязанности репетитора. Этому периоду соответствуют три конспекта по всеобщей истории для кадетов старших классов. С 1871/1872 уч. г. он, защитив магистерскую диссертацию, выступает в училище уже в качестве лектора. Этому времени принадлежат его лекции для младших и старших классов, получившие обозначение «Записки по всеобщей истории» и «История Французской революции». Вернуться к проблемам европейской истории Ключевский был вынужден в 1893-95 гг. в «Абастуманских чтениях».

не столь явно. Но это, однако, не означает полного отказа от них, а скорее, свидетельствует о росте профессионализма ученого, который все меньше нуждался в оформлении «на бумаге» историософской части своего курса, но, тем не менее, продолжал выстраивать повествование в прежнем концептуальном ключе.

Возникновение общего авторского замысла Ключевского легко понять, если обратиться к состоянию общественно-политической мысли России той эпохи. Дискуссии западников и славянофилов, активное становление российской исторической науки и, конечно же, формирование национальной идеологии требовали выработки идейных ориентиров, конструирования национальной системы координат во времени и пространстве, обоснования ценностей и символов, которые бы очертили образ российской нации. Университетская профессура второй половины XIX в. стояла в авангарде социально-политической мысли. В общих дискуссионных практиках историков и юристов, филологов и философов зарождалась «национальная идея», которая порой отражала весьма критический подход русской интеллигенции к оценке государственной власти. И Ключевский стал активным участником этого процесса. Уже на студенческой скамье он проявлял известный нигилизм, переросший впоследствии в скептицизм по отношению к популярному в середине XIX в. «народопоклонству». Историк считал народничество «комичной игрой в куклы», подчеркивая некорректность переноса его представителями «своих собственных идей и измышлений» на народ. Они, на его взгляд, вели себя «словно дети, которые рядят куклы» и потом ведут с ними «умные беседы, слышанные от папеньки и маменьки»²². К социализму, набиравшему популярность в первое десятилетие XX в., Ключевский испытывал еще большую недоброжелательность, чем к народничеству²³.

Ученик историка П.Н. Миллюков давал оценку политических взглядов Ключевского в период «возрождения» русского общества в середине 1890-х гг., отмечая, что его демократизм пришел тогда в более тесное соприкосновение с его конституционализмом. Ключевский, до известной степени, разделял скептическое и слегка насмешливое отношение к взглядам значительной части демократической интеллигенции. В узком кругу в беседах с учениками этот вопрос вызывал немало шуточных пререканий. Но когда дело доходило до серьезной формулировки, Ключевский всегда признавал неизбежность свободных политических форм для «более справедливого устройства общества» как гарантии против «чувства народного недовольства»²⁴.

Оригинальный исследовательский подход Ключевского, проявившийся в сопоставлении истории России и стран Запада, сформировался,

²² Ключевский 1968. С. 236.

²³ См., например: Барсов 1991. С. 7.

²⁴ Миллюков 2002. С. 471.

как известно, на фоне параллельного преподавания отечественной и зарубежной истории сразу в нескольких учебных заведениях – Александровском военном училище, Московской духовной академии, на Высших женских курсах В.И. Герье, в Московском Императорском университете. Особенностью Ключевского как лектора была ориентация содержательной части лекционного материала под определенную аудиторию. В частности, выпускники Александровского военного училища, вспоминали, с каким «захватывающим вниманием и истинным наслаждением» слушали они его курс новейшей отечественной и всеобщей истории. По словам юнкеров, Василий Осипович «разбил старый ученый предрассудок, что новейшая история не может быть предметом научного изучения», интерес к его лекциям возрастал с каждым годом. События этой «новейшей истории» он излагал с такой глубиной, основательностью и воспитательным значением, которые оказывали «неотразимое влияние на все мирозерцание» его слушателей²⁵.

Уже в первых конспектах по всеобщей истории учёный обратился к чрезвычайно важным для каждой национальной идеологии темам «исток» и «уникальности» нации. Весь исторический путь России Ключевский, только начинавший осваивать стезю преподавателя, разделил на два неравных этапа: до Петра I и после него. Они были охарактеризованы как, соответственно, азиатский и европейский периоды в истории страны. В первых лекциях много внимания уделяется фигуре Петра I и подчеркивается сложный процесс адаптации российской политической программы к европейским реалиям. Именно в этой части В.О. Ключевский подчеркнул, что «с XVIII в. историю Европы надо рассматривать в целости, деятели Восточной Европы сталкиваются с западными. Поэтому век и характеризуется не только Людовиком XIV, но и Петром Великим»²⁶.

Эпоха Петра I, доказывал молодой историк явно не без влияния своего учителя С.М. Соловьева, имела судьбоносное значение и для России, и для Европы: «Целая половина Европы с особыми свежими началами входит в жизнь Европы, отчего только теперь собирается на исторической сцене вся Европа и ее жизнь становится полнее и сложнее <...> Это открытие России для Европы важнее открытия Америки по своему значению для Европы»²⁷. Что же касается самой России, то облик её современной нации, считал Ключевский, кардинально изменился в петровское время. Он стал европейским и по внешнему виду, и по внутреннему содержанию. И это имело, безусловно, положительные последствия, поскольку отныне Россия оказалась частью «цивилизован-

²⁵Воспоминания некоторых выпускников Александровского военного училища представлены Р.А. Киреевой в Приложении к рассматриваемой публикации: Ключевский 2012. С. 424-429. См. также: Любавский 1912. С. 12-16.

²⁶ Ключевский 2012. С. 41.

²⁷ Там же. С. 25.

ного мира» и даже сама начала активно распространять цивилизацию на Восток²⁸. Таким образом, в первых учебных конспектах для аудитории кадетов учёный не только сформулировал общую концепцию лекционного курса, но и чётко обозначил свою позицию в жарких дискуссиях на тему национальной самобытности.

Самого Петра I Ключевский неоднократно сравнивал с Людовиком XIV. «Людовик получил богатое наследство, Петр – ничего, государство дикое, можно сказать, бедное, без моря, и создал все сам. Людовик не создал средств взамен растраченных: получив много людей, не оставил своих. Петр вывел даже целые фамилии», – доказывал историк величие российского монарха²⁹. Признавая умозрительность проводимого сравнения при явном несоответствии французских и российских реалий начала XVIII в., он не отказывался от самой идеи проведения аналогий, повторяя её в лекциях разных лет. Очевидно, сопоставление исторических портретов российского и европейского монархов преследовало не столько учебную, сколько педагогическую цель. Ученики Ключевского таким образом лишней раз убеждались в исторической близости Европы и России и получали повод для национальной гордости – правитель их страны, едва приобщившись к достижениям «цивилизации», уже превзошел по таланту самого Людовика XIV, «короля-солнце», которого современные им историки, как, например, В.И. Герье, считали наиболее достойным представителем французской монархии нового времени³⁰.

Возможно, поэтому, Ключевского несколько не смущал тот факт, что истоки «цивилизованности» были заимствованы Россией, а не выработаны самостоятельно. «Начала цивилизации всегда получаются извне: эпоха Возрождения в новой истории; греческое влияние в Риме указывают, что все европейские народы проходили период этого усвоения чужого», – объяснял он ученикам своё видение мирового исторического процесса³¹. И если самим европейцам не кажется недостойным перенимать достижения древних греков и римлян, то и для русских не может быть постыдно учиться на чужом опыте. Тем более, что Россия, как считал Ключевский, не слепо копировала европейскую культуру, но отбирала и усовершенствовала её лучшие достижения и быстро превзошла «учителей» в их собственной «науке».

Называя императрицу Екатерину II «самой видной фигурой в Европе с 1762 по 1796 гг.»³², историк больше не проводил аналогий с другими монархами. Сравнение с Фридрихом Великим или, тем более, Людовиками XV и XVI, уже не имело смысла, ибо успехи Екатерины в

²⁸ Там же. С. 53.

²⁹ Там же. С. 42.

³⁰ Герье 2011. С. 35.

³¹ Ключевский 2012. С. 24.

³² Там же. С. 48.

решении «восточного» и «польского» вопросов сами по себе давали достаточно поводов для национального самоутверждения. Подробно описывая их, историк доказывал, что эпоха ученичества прошла, и теперь отношения России и Европы строились на равных началах. Когда же в конце XVIII в. Россия начала борьбу против разрушительных идей французского просвещения, а в начале XIX в. спасла Европу от хаоса революции и нашествия Наполеона, то её историческое значение стало и вовсе исключительным³³. Таким образом, через тему особой исторической миссии России Ключевский выходил на самую обширную проблему лекционного курса – французскую революцию конца XVIII в.

История французской революции в деталях начинает излагаться им в лекциях начала 1870-х гг. Но и на этапе репетиторства в учебных конспектах он закладывает основы своего видения ее смысла, пытаясь вскрыть в «организме французского государства» социальные «болезни», ставшие ее причинами³⁴. В 1868 г. он разделил их на две группы. С одной стороны, пережитки средневекового феодализма, прежде всего, сословная система: неадекватные привилегии для одних и ущемление в правах других групп населения, с чем основная масса французов больше не готова была мириться. А с другой стороны – литература и идеи эпохи Просвещения, культ разума и признание в качестве нормы «дурных стремлений человеческой свободы», от чего возникла враждебность «к преданию и авторитету, к порядку, на них основанному» и стремление человека перестроить общество на новых началах³⁵.

Негативное отношение к идеям и ценностям французского просвещения характеризовало точку зрения Ключевского с первых лет его работы в качестве преподавателя. В лекциях 1872/73 гг. он, выявляя причины революции, уже начал не с социальных «болезней», а с морально-нравственного состояния французского общества, которое было названо им «испорченным», породившим «безобразные явления 1793 г.»³⁶. Вместе с тем, стремление создать социальную историю, что позднее воплотилось в его докторской диссертации, подталкивало Ключевского всё глубже выявлять противоречия между устаревшей, средневековой социально-политической системой Франции XVIII в., «обломками феодального порядка» и новыми тенденциями в общественной жизни. Таким образом, позиция историка балансировала между характерным для консервативной историографии взглядом на революцию как результат нравственного упадка общества и либеральной концепцией революции как неизбежного зла, которое случается в ситуации крайней запущенности социальных противоречий (из-за неспособности или нежелания правя-

³³ Там же. С. 250, 251, 328.

³⁴ Там же. С. 92-96, 105.

³⁵ Там же. С. 93.

³⁶ Там же. С. 143.

щих элит предоставить народу необходимые права и свободы) и отсутствия иных выходов из охватившего государство кризиса.

Трудно судить, как взгляды Ключевского развивались в дальнейшем, ибо обширная лекция о французской революции 1884 г. доступна нам лишь в форме небольшого отрывка без теоретической части. И на его основе не представляется возможным в полной мере понять концепцию автора. Однако, что касается более позднего материала из Абастуманских чтений, то в нем повествование о французской революции Ключевского уже в гораздо большей степени, нежели в ранних конспектах, соответствовало канонам консервативной политической философии. Истоки этого события, выводились из состояния глубокого духовного кризиса, якобы охватившего общество и правительственные круги Франции «старого порядка»³⁷. Вновь подвергались суровой критике литература и философия французского просвещения³⁸. И хотя российский историк всё же уделял необходимое внимание социальным причинам революционных потрясений, а также находил ряд позитивных достижений в деятельности национального и учредительного собрания в 1789-1791 гг., его позиция оставалась достаточно консервативной³⁹. «Французская революция, вызванная местными нуждами и страстями <...> получила характер политического эксперимента, попытки построить образцовый, для всего мира пригодный государственный порядок по отвлеченным началам разума, – резюмировал историк⁴⁰. – Из этих начал революция всего настойчивее пыталась осуществить наименее осуществимое начало народовластия, жертвуя ему сперва равенством, потом свободой. Но так как революционное движение шло сверху вниз <...> то действительным результатом движения было значительное политическое уравнивание общества, между тем как свобода и народовластие погибли среди террора и под гнетом военной диктатуры»⁴¹. Борьба с этой диктатурой во главе с Наполеоном Бонапартом – непосредственным порождением революции – стала концом российского «ученичества». Отказавшись воспринять идеи французского просвещения и революции и даже возглавив борьбу против их последствий, Россия встала на собственный путь развития и с тех пор начала представлять собой совершенно особое, уникальное явление в рамках европейской «цивилизации». Более того, по мнению историка, в России XVIII–XIX вв., по мере сближения с Западной Европой, все «труднее становились проявля-

³⁷Ср.: Де Местр 1997. С. 14-17, 24-26 и Ключевский 2012. С. 143-146, 358.

³⁸Ключевский 2012. С.252-254.

³⁹ В данном случае важно принять во внимание то обстоятельство, что учеником Ключевского являлся великий князь Георгий Александрович, что требовало от историка определенной политической осторожности.

⁴⁰ В этом отношении характеристика французских политических учений эпохи Просвещения, данная Ключевским оказалась крайне близка точке зрения Э. Бёрка. Ср., например: Бёрк 2001. С. 380-396 и Ключевский 2012. С. 252-255.

⁴¹Ключевский 2012. С.275-276.

ния народной свободы». Из уст Ключевского студенты могли услышать и такую резкую характеристику новой европеизированной России двух последних веков: это была страна «гвардейских казарм, правительственных канцелярий и барских усадеб»⁴².

Вслед за темой «истоков» и «самобытности» Ключевский обратился к другому важному компоненту национальной идеологии – образу «исторического» врага⁴³. И в данном случае его цель была весьма непростой – доказать, вопреки расхожему мнению националистов-почвенников, что конфликты России и европейских стран не имели эпохального или цивилизационного характера и не являлись свидетельством их принципиальной несовместимости. Ключевский писал: «Европа встретила вступление России в ее общую жизнь враждебно. Причина понятна: господствовавшее доселе в исторической Европе племя германское со времени вступления России в общую жизнь потеряло свою монополию делать историю»⁴⁴. Таким образом, историк пытался объяснить существовавшую напряженность в отношениях между Россией и некоторыми европейскими странами. А развивая свою мысль, он доказывал, что конкуренция и борьба за влияние между европейскими государствами, как и столкновение амбиций их правителей и военачальников наблюдались на протяжении всей истории и не были связаны исключительно с Россией.

Исторический враг России, доказывал Ключевский, находился за пределами Европы. Им была Османская империя – чужое и враждебное государство не только для России, но и для всей «цивилизации». «В то время как французское правительство действовало в Константинополе против России, вожди общественного мнения желали России успеха над Турцией, ибо это было торжество цивилизации над варварством, их идей», – был уверен Ключевский⁴⁵. Что же касается темы «русской угрозы», которая особенно активно культивировалась в немецкой литературе 1860–1870-х гг., то Ключевский старался, по возможности, противодействовать бытованию негативных стереотипов о России, доказывая, что «страх Западной Европы пред завоевательностью России не имеет смысла», поскольку завоевательность России неизменно «уничтожалась громадностью пространств»⁴⁶.

Двоякое отношение Ключевского к зарубежной историографии и публицистике заслуживает особого внимания. С одной стороны, историк часто критиковал иностранных, особенно германских ученых за однобокое освещение исторического процесса, в котором «славянскому племени» не уделялось должного внимания. Они «стараятся доказать,

⁴² Ключевский 1997. С. 50.

⁴³ Об этом и других стереотипах в историографии нового времени см.: Вжосек 2010. С. 5-13.

⁴⁴ Ключевский 2012. С. 26.

⁴⁵ Ключевский Там же. С. 51.

⁴⁶ Ключевский Там же. С. 45.

что все новое в европейской истории вынесено в своих началах из лесов Германии», писал Ключевский, и пренебрегают «трудом славянского племени для европейской цивилизации»⁴⁷. Поэтому задачей «славянских учёных» Ключевский провозглашал «рассеять эту односторонность, обратить внимание на значение своего племени в европейской истории», чем недвусмысленно призывал коллег занять активную позицию в процессе формирования национальной идентичности.

С другой стороны, Ключевский активно использовал труды зарубежных историков при подготовке своего курса. На то указывают как прямые ссылки на привлеченный материал из работ Л. Ранке, Г. Вебера, Ф. Минье, Р. Гейссера и др., так и ряд концептуальных заимствований. В частности, в разделе, посвященном истории английских колоний в Северной Америке, Ключевский воспроизвел характерное для континентальной (французской и немецкой) историографии XIX в. мнение о том, что большинство колонистов состояло из «промотавшихся джентльменов», «беспорядочных людей», «сброда» и преступников самых низких моральных качеств, практиковавших даже «покупку жён» друг у друга⁴⁸. Такая точка зрения не только сегодня считается несостоятельной, но и в XIX в. не имела под собой серьезных оснований, за исключением предвзятого отношения ряда европейских историков, писателей и публицистов к США и всему, что связано с этим государством.

Другой воспринятой из европейской литературы идеей стал классический европоцентризм – противопоставление «цивилизованного» Запада «варварскому» Востоку. Воспроизводя устоявшиеся национальные и расовые мифы эпохи, российский историк наделял всё «азиатское» исключительно негативными коннотациями: противопоставлял «европейское» качество «азиатскому» количеству, «восточное» рабство – «европейской» свободе и т.д. В этом Ключевский не был оригинален, хотя интересно отметить, что сам он не использовал в тексте характерного для европейской науки понятия «раса», заменяя его идентичным по содержанию термином «племя»⁴⁹. И что немаловажно, Россия недвусмысленно позиционировалась им в качестве лидера «славянского племени», наиболее развитого его представителя.

Из расового дискурса европейских стран Ключевский также заимствовал концепцию «цивилизаторской миссии». Как было отмечено выше, он видел в России больше, чем часть европейской «цивилизации» – её активного носителя и распространителя. Вот что он, в частности, писал о последствиях завоевания Крыма: «Внимание России после первой турецкой войны сосредоточилось на юге, на возрождении южной пустыни, что

⁴⁷ Ключевский Там же. С. 26.

⁴⁸ Ключевский Там же. С. 90.

⁴⁹ Подробнее о смысловом наполнении понятия «раса» в XIX в. см.: Нохрин 2013. С. 103-108.

составляет блестящую страницу в общеевропейской истории. Цивилизаторской деятельностью на юге, а не капризами ребенка знаменит Потемкин и занимает почтенное место в европейской истории»⁵⁰. По своему пафосу риторика Ключевского, в данном случае не отличалась от сочинений европейских авторов о колонизированных регионах Азии и Африки.

В контексте «цивилизаторской миссии» России интересно обратить внимание на то место, которое занимала в лекциях Ключевского история Польши. Выстраивая собственное повествование о ней, российский историк оказывался в сложной ситуации. С одной стороны, Польша, без сомнения, принадлежала к «славянскому племени» и уже хотя бы в силу этого должна была входить в число «своих». Но с другой стороны, разделы Польши 1772, 1793 и 1795 гг., в которых Россия приняла активное участие, сложно было назвать политикой, приемлемой по отношению к «своим». Это противоречие Ключевский преодолел при помощи идей прогресса и «цивилизации». В своих лекциях он последовательно доказывал, что к середине XVIII в. Польша значительно отстала в развитии от своих соседей, свидетельством чему являлись религиозный фанатизм населения, массовые преследования иноверцев и слабость государственной власти (что наблюдалось в Западной Европе в XVI и XVII вв., но уже стало достоянием истории в XVIII в.). И европейское, и российское, и даже само польское общественное мнение осуждало такое положение дел и требовало перемен. Однако внутри Польши не нашлось сил, которые смогли бы придать стране импульс к развитию. Преследования инакомыслящих и неразбериха в политической жизни продолжались, вызывая негодование и русских, и европейцев. Польское государство умирало⁵¹. В этой ситуации раздел Польши и присоединение её восточной части к России стали не актом агрессии, но спасением значительной части её населения от бесправия, репрессий или даже физического уничтожения. Соответственно, и вся политика России в «польском вопросе» стала триумфом достижений европейской «цивилизации»: свободы, веротерпимости, развитой государственности, что ставило её в один ряд с победами в «восточном вопросе».

Поиск характерных черт для описания «своего» не менее важен для развития национальной идентичности, чем создание образа «чужого». Наибольшие симпатии среди всех европейских стран Ключевский испытывал по отношению к Франции. Ученый часто сравнивал её прошлое с историей России, проводил аналогии в деятельности правителей двух стран и полагал, что именно французская общественно-политическая мысль оказала наибольшее влияние на развитие российской культуры⁵². Разделам, посвященным истории Франции, Ключевский уделил гораздо

⁵⁰ Ключевский В.О. 2012. С. 53.

⁵¹ Там же. С. 49-51, 141-142.

⁵² Там же. С. 251.

больше внимания, чем остальным, да и в структуре лекций материал о Франции неизменно располагался в самом начале. Причины такого отношения, вероятно, крылись в сходстве социально-политических систем двух стран: абсолютные монархии с разветвленным и централизованным административным аппаратом, сословной структурой общества, заметно отстававшие в развитии капитализма и товарно-денежных отношений.

Хотя причина могла быть и иной. Ключевский никак не объяснял своё повышенное внимание именно к истории Франции, но логика построения и изложения материала лекций явно указывала на его стремление познакомить студентов с историей именно этой страны, причем с намерением вынести некоторые «уроки» для России. Даже тема революции конца XVIII в. – события, которое Ключевский, фактически, оценивал негативно, – раскрывалась в категориях поучения таким образом, будто «вина» за произошедшее в значительной степени лежала на философам-«софистам» XVIII в., недальновидных, духовно деградировавших придворных и демагогах вроде Робеспьера⁵³. Независимо от причин такого повышенного внимания, незримо проводившаяся связь между Францией и Россией помогала, в конечном итоге, Ключевскому методом аналогий доказывать принадлежность России к европейской цивилизации и вновь доказывать, таким образом, её национальную состоятельность.

Социально-политическая позиция историка, отраженная в его лекционных курсах, свидетельствовала о критическом отношении и, можно сказать, органическом неприятии Ключевским такого исторического феномена как революция. Он рассматривал революционный процесс, как признак разложения общественных начал, как силу, расшатывающую основы любой государственности. Открытое выражение профессионального мнения историка впоследствии стало причиной его резкой критики в советской историографии. И исследователям-публикаторам научного наследия Ключевского приходилось вырабатывать своеобразную стратегию по реабилитации «буржуазного» историка Ключевского, чтобы сделать возможным введение его архивных материалов в научный оборот.

Конечно, в ракурсе предложенного взгляда на лекции историка по всеобщей истории, было бы большим преувеличением считать Ключевского одним из проводников русского национализма второй половины XIX в. Как и трудно назвать его лекции по истории Западной Европы ответом Н.Я. Данилевскому и единомышленникам, предлагавшим совсем иной вариант национальной идеологии для России. Свою позицию «историка-реалиста», под критическим углом зрения преподносившего многие страницы прошлого своего отечества, он выразит более всего в университетском курсе лекций по истории России. В некотором смысле концепция историка строилась на убеждении, что воспитание способности у своих подопечных критически оценивать явления своей собствен-

⁵³ Там же. С. 143, 145-150.

ной и европейской истории является залогом формирования их национального самосознания. Аудитория Ключевского, слушавшая лекции по истории Западной Европы, была сравнительно небольшой, их содержание оказалось недоступным для широкой публики до начала XXI в. Однако сегодня, после публикации книги, подготовленной Р.А. Киреевой, мы можем по-новому взглянуть на творчество знаменитого российского историка, отметить его активную и оригинальную позицию по проблемам всеобщей истории, в контексте которой он попытался представить исторический путь и национальную идентичность России. Творческий портрет историка, таким образом, становится полнее и многограннее.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Базанов М.А., Богомазова О.В. Замыслы осуществленные и неосуществленные: А.А. Зимин и М.В. Нечкина в работе над монографиями о В.О. Ключевском // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 47. № 23 (238). 2011.
- Барсов Елтидифор. Мнение В.О. Ключевского о Максиме Горьком // Московский журнал: История государства российского. 1991. № 11.
- Бёрк Э. Правление, политика и общество. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. 480 с.
- Вжосек В. Классическая историография как носитель национальной (националистической) идеи // Диалог со временем. 2010. Вып. 30. С. 5-13.
- Герье В.И. Идея народовластия и Французская революция 1789 года. М.: Книжный дом «Либроком», 2011.
- Де Местр Ж. Рассуждения о Франции. М.: РОССПЭН, 1997.
- Зимин А.А. Формирование исторических взглядов В.О. Ключевского в 60-е годы XIX в. // Исторические записки, 1961. Т. 69.
- Зимин А.А. Храм науки // Судьбы отечественного наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А.Л. Хорошкевич. М.: Аквариус, 2015.
- Исторический факультет. Внимание: благотворительная акция в Год российской истории. Памяти В.О. Ключевского посвящается. URL: <http://ist.spu-penza.ru/novosti/novosti/article/vnimanie-blagotvoritelnaja-akcija-v-god-rossiiskoi-is-1/>
- Киреева Р.А. «История европейского человечества» (Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России) // Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России / Под ред. Р.А. Киреевой; ИРИ РАН. М.: НП ИД «Русская панорама», 2012. 504 с. +16 с. вкл.
- Киреева Р.А. А.С. Лаппо-Данилевский о русской историографии // Клио. 2013. № 12 (84).
- Киреева Р.А. В.О. Ключевский как историк русской исторической науки. М.: Изд-во Наука, 1966.
- Киреева Р.А. Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. М., 2004.
- Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М.: Наука, 1983. 214 с.
- Киреева Р.А. К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М.: Наука, 1990. 269 с.
- Киреева Р.А. Профессорский дебют В.О. Ключевского // Ключевский В.О. Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве в 1872-1875 гг. / Под ред. Р.А. Киреевой, А.Ф. Киселева. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997.

- Ключевский В.О.* Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России / Под ред. Р.А. Киреевой; ИРИ РАН. М.: НП ИД «Русская панорама», 2012. 504 с. +16 с. вкл.
- Ключевский В.О.* Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве в 1872-1875 гг. / Под ред. Р.А. Киреевой, А.Ф. Киселева. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. 816 с.
- Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения / Предисл. М. В. Нечкиной; Состав., послесл. и коммент. Р.А. Киреевой, А.А. Зимина. М.: Наука, 1983. 416 с.
- Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М.: Наука, 1968. 525 с.
- Милюков П.Н.* В.О. Ключевский // Очерки истории исторической науки. М., 2002.
- Нохрин И.М.* Понятия раса и нация в общественно-политической жизни Британской империи // Челябинский гуманитарий. 2013, № 4.

REFERENCES

- Bazanov M.A., Bogomazova O.V. Zamysly osushhestvlennye i neosushhestvlennye: A.A. Zimin i M.V. Nchkina v rabote nad monografijami o V.O. Kljuchevskom // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 47. № 23 (238). 2011.
- Barsov Elpidifor. Mnenie V.O. Kljuchevskogo o Maksime Gor'kom // Moskovskij zhurnal: Istorija gosudarstva rossijskogo. 1991. № 11.
- Bjork Je. Pravljenje, politika i obshhestvo. M.: «KANON-press-C», «Kuchkovo pole», 2001.
- Vzhosek V. Klassicheskaja istoriografija kak nositel' nacional'noj (nacionalisticheskoy) idei // Dialog so vremenom. 2010. Vyp. 30.
- Ger'e V.I. Ideja narodovlastija i Francuzskaja revoljucija 1789 goda. M.: Knizhnyj dom «Librokom», 2011.
- De Mestr Zh. Rassuzhdenija o Francii. M.: ROSSPJeN, 1997.
- Zimin A.A. Formirovanie istoricheskikh vzgljadov V.O. Kljuchevskogo v 60-e gody XIX v. // Istoricheskie zapiski, 1961. T. 69.
- Zimin A.A. Hram nauki // Sud'by otechestvennogo nasledija otechestvennyh istorikov vtoroj poloviny XX veka / Sost. A.L. Horoshkevich. M.: Akvarius, 2015.
- Istoricheskij fakul'tet. Vnimanie: blagotvoritel'naja akcija v God rossijskoj istorii. Pamjati V.O. Kljuchevskogo posvjashhaetsja. URL: <http://ist.spu-penza.ru/novosti/novosti/article/vnimanie-blagotvoritelnaja-akcija-v-god-rossiiskoi-is-1/>
- Kireeva R.A. «Istorija evropejskogo chelovechestva» (Lecii po istorii Zapadnoj Evropy v svjazi s istoriej Rossii) // Lecii po istorii Zapadnoj Evropy v svjazi s istoriej Rossii / Pod red. R.A. Kireevoj; IRI RAN. M.: NP ID «Russkaja panorama», 2012. 504 s. +16 s. vкл.
- Kireeva R.A. A.S. Lappo-Danilevskij o russkoj istoriografii // Klio. 2013. № 12 (84).
- Kireeva R.A. V.O. Kljuchevskij kak istorik russkoj istoricheskoy nauki. M.: Nauka, 1966.
- Kireeva R.A. Gosudarstvennaja shkola: istoricheskaja koncepcija K.D. Kavelina i B.N. Chicherina. M., 2004.
- Kireeva R.A. Izuchenie otechestvennoj istoriografii v dorevoljucionnoj Rossii s serediny XIX v. do 1917 g. M.: Nauka, 1983.
- Kireeva R.A. K.N. Bestuzhev-Rjumin i istoricheskaja nauka vtoroj poloviny XIX v. M.: Nauka, 1990. 269 s.
- Kireeva R.A. Professorskij debjut V.O. Kljuchevskogo // Kljuchevskij V.O. Lecii po russkoj istorii, chitannye na Vysshih zhenskikh kursah v Moskve v 1872-1875 gg. / Pod red. R.A. Kireevoj, A.F. Kiseleva. M.: Gumanit. izd. centr VLADOS, 1997. 816 s.
- Kljuchevskij V.O. Lecii po istorii Zapadnoj Evropy v svjazi s istoriej Rossii / Pod red. R.A. Kireevoj; IRI RAN. M.: NP ID «Russkaja panorama», 2012. 504 s. +16 s. vкл.
- Kljuchevskij V.O. Lecii po russkoj istorii, chitannye na Vysshih zhenskikh kursah v Moskve v 1872-1875 gg. / Pod red. R.A. Kireevoj, A.F. Kiseleva. M.: Gumanit. izd. centr VLADOS, 1997. 816 s.

- Kljuhevskij V.O. Lekcii, chitannye na Vysshih zhenskikh kursah v Moskve 1872-1875. Pod red. R.A. Kireevoj i A.F. Kiseleva. M., 1997.
- Kljuhevskij V.O. Neopublikovannye proizvedenija / Predisl. M. V. Nechkinoj; Sostav., poslesl. i komment. R. A. Kireevoj, A. A. Zimina. M.: Nauka, 1983. 416 s.
- Kljuhevskij V.O. Pis'ma. Dnevniki. Aforizmy i mysli ob istorii. M.: Nauka, 1968.
- Kljuhevskij V.O. Pis'ma. Dnevniki. Aforizmy i mysli ob istorii. M., 1968.
- Miljukov P.N. V.O. Kljuhevskij // Ocherki istorii istoricheskoi nauki. M., 2002.
- Nohrin I.M. Ponjatija rasa i nacija v obshchestvenno-politicheskoj zhizni Britanskoj imperii // Cheljabinskij gumanitarij. 2013, № 4.
- Sankt-Peterburgskij filial Arhiva Rossijskoj akademii nauk (PFA RAN). F. 934. Op. 3. D. 71. L.64-71.

Алеврас Наталия Николаевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и зарубежных стран Историко-филологического факультета Челябинского государственного университета; vhist@mail.ru

Нохрин Иван Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений Историко-филологического факультета Челябинского государственного университета; ivan-nokhrin@yandex.ru

Богомазова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории России и зарубежных стран Историко-филологического факультета Челябинского государственного университета; olga-bogomazova@mail.ru

Opening unknown Klyuchevsky: the historian as creator of national ideas (the edition of V.O. Klyuchevsky's lectures on the history of Western Europe)

The authors refer to such an event of national historiography, which has become a fact of modern editions of V.O. Klyuchevsky's lectures on universal history, prepared by renowned historian R.A. Kireeva. For the first time before the scientific community appeared in educational texts of V.O. Klyuchevsky, allowing to reconstruct the system of his understanding of Western European history of the XVII-XVIII centuries. In the first part of the article focuses on the analysis publikatorskoj activity R.A. Kireeva, while the second introduces the interpretation of the views of V.O. Klyuchevsky on the political history of Western Europe. Putting quite diverse tasks, the authors believe in the inextricable scientific historiographical context historians of different times of pre – revolutionary and modern. Historiographical interests and creative efforts of each successive generations of historians allow to store in a modern national consciousness the memory and knowledge about the history of the predecessors and the history of science, which gives a special importance to the work on the publication of previously unreleased archives of scientific researchers.

Keywords: historiography, V.O. Klyuchevsky, R.A. Kireeva, Russia, Europe, General history, national idea, commemoration, national identity.

Natalia Alebras, D.Sc. (History), Professor of the Department of Russian and foreign countries, Historical-philological faculty of the Chelyabinsk state University; vhist@mail.ru

Ivan Nohrin, Ph.D. (History), Associate Professor of political science and international relations, Historical-philological faculty of the Chelyabinsk state University; ivan-nokhrin@yandex.ru

Olga Bogomazova, Ph.D. (History), Lecturer of the Department of Russian and foreign countries, Historical-philological faculty of the Chelyabinsk state University; olga-bogomazova@mail.ru